

Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры

Кирилл Михайлович Балашов-Ескин, Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва), bkm@bk.ru

DOI: 10.31857/S013161170009961-6

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье рассматривается такой феномен поэтической речи, как катахреза. Вследствие разницы литературоведческих подходов сформировалось и неоднозначное понимание катахрезы, а потому ее фиксация в лирике носит порой условный, а в некоторых случаях и дискуссионный характер. Тем не менее катахреза, сохраняя авторские особенности, играет существенную роль в формировании индивидуального поэтического стиля. Взгляд на катахрезу как на признак индивидуального стиля, а следовательно и как на часть поэтики индивидуального стиля, раскрывает очевидное воздействие этого художественного приема на внутреннюю форму как самой номинативной единицы, так и образа в целом, расширяет семантику приема и наделяет его новыми гранями. Особенно ярко катахреза проявляется в творчестве поэта второй половины XX в. В. А. Сосноры. Используя ее, поэт оживляет стертые, прочно вошедшие в речь метафоры, обращается к традиции синтеза искусств, цветопередачи и звукоподражания, сталкивает несогласованные и противоречивые образы и наделяет устойчивые символы новыми смыслами. Ее последовательное и множественное использование наряду с другими тропами создает особый, семантически насыщенный, сложный «иррациональный стиль».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. А. Соснора, катахреза, индивидуальный стиль, неоавангард

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балашов-Ескин К. М. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры // Русская речь. 2020. № 3. С. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.

The Language of Fiction

Catachresis in the Poetical Style of V. A. Sosnora

Kirill M. Balashov-Eskin, Moscow City University (Russia, Moscow),
bkm@bk.ru

ABSTRACT: This article is dedicated to a phenomenon of poetic speech known as catachresis. There is no common definition of catachresis among the philologists due to different approaches to literary studies, thus its identification in lyrics is somewhat arbitrary and even controversial. Nevertheless, catachresis captures some of the author's unique characteristics and thus plays a significant role in the individual poetic style. When we consider this artistic device as a feature of individual poetic style, it becomes obvious that it influences not only the inner form of the word, but the whole artistic image, expanding its semantics and saturating it with new meanings. This technique was clearly and nontrivially expressed in the poetry of V. A. Sosnora. Using catachresis, the poet revives trite metaphors that have been firmly established in everyday speech and refers to the tradition of synthesizing art, color rendering and onomatopoeia. Using catachresis Sosnora clashes inconsistent and contradictory images and endows well-known symbols with new meanings. By persistently resorting to this technique in combination with other tropes, the author creates a unique semantically saturated and complex "irrational style".

KEYWORDS: Sosnora, cathachresis, individual style, neo-avant-garde

FOR CITATION: Balshov-Eskin K. M. Catachresis in the Poetical Style of V. A. Sosnora. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.

Виктор Соснора — один из ведущих поэтов плеяды шестидесятников, одновременно стоящий в стороне от этого движения. «Язык поэзии Виктора Сосноры, предельно усложненный и предельно насыщенный смыслами, неисчерпаем для исследователя» [Зубова 2009: 204], и с этим трудно не согласиться. Сочетание множественной иносказательности с предельной ясностью, эксперименты со звуком и словом, кропотливая работа с внутренней формой через соединение различных слов и образов в еще более многозначное единство одновременно и притягивает, и отталкивает читателя. Поэтическое наследие поэта в книжном эквиваленте уместается в один небольшой том, тем не менее в художественной системе координат оно несоразмерно больше. Именно поэтому научные исследования поэзии Сосноры трудно назвать исчерпывающими.

Основа поэтического стиля Сосноры, разработавшего «в высшей степени оригинальную художественную систему» [Русские писатели 20 века 2000: 665], — незначительное, но подчеркнутое смещение семантических и синтаксических норм языка, в том числе тропов и фигур классической риторики. Общий иронический, переходящий в сарказм настрой, создающийся за счет различных сочетаний слов, заставляет задуматься над использованием в его стиле такого художественного приема, как катахреза.

Катахреза — сложный феномен поэтической речи, изучаемый стилистикой, как лингвистической, так и литературоведческой. Разница подходов к изучению языка словесности обуславливает неоднозначность понимания катахрезы. М. В. Ломоносов относил катахрезу к одному из шести тропов, говоря о ней как о замене слов «на другие, которые имеют знаменование, к ним очень близкое, ради напряжения или послабления вещи, н. п.: в первом случае *прибил* вместо *ударил* <...>; во втором случае те же примеры противным образом» [Ломоносов 1952: 3], а примерно в то же время французский лингвист Никола Бозе, отталкиваясь от определения Квинтилиана, уточнял, что «катахреза есть не столько частный случай тропа, сколько один из аспектов, в котором можно рассматривать любой иной троп»¹ («la catachrèse est moins un trope particulier, qu'un aspect sous le quel tout autre trope peut être revêtu» [ARTFL Encyclopédie: 699]), и к тропам уже не относил.

В современном понимании катахреза представляется неким синтезом ее тропической и фигуральной природы. Например, А. П. Квятковский

¹ Перевод дан по книге: [Тодоров 1998: 110].

пишет о катахрезе как о сочетании «противоречивых, но не контрастных по природе слов, понятий, выражений, вопреки их буквальному значению» [Квятковский 1966: 131], приводя такие примеры, как «стрелять из пушки», «путешествовать по морям». Катахреза, со временем входя в обиход речи, не воспринимается ни как речевая ошибка, ни как метафора. «Стрелять» можно из чего угодно, как и «путешествовать» по морю, воздуху и суше. К примеру, в словосочетании «корабль идет» можно отметить не только метонимию и олицетворение, но и метафору *осознанного* движения по заданному маршруту (в противовес «плыть по течению»), сопротивления волнам, чудесного по сути явления удержания на поверхности воды огромного корабля. Выражение вошло в обиход среди моряков, и в художественной литературе нет преимущества использования «идет» перед «плывет».

Литературоведение рассматривает катахрезу не только с точки зрения формирования семантического значения, но и в плане ее функциональности в поэтическом стиле, ее роли в создании внутренней формы образа, в «приращении» содержания произведения, на что указывал В. П. Москвин, утверждая, что «катахрезное словоупотребление затрагивает не смысл, не значение, а лишь внутреннюю форму номинативной единицы» [Москвин 2017: 312]. Очевидно, что катахреза в данном контексте становится признаком индивидуального стиля поэта, следовательно частью *поэтики индивидуального стиля*, которую Ю. И. Минералов осмыслял как «реальный художественный феномен» [Минералов 1999: 13].

Таким образом, катахреза как один из признаков индивидуального стиля имеет свои особенности в художественных произведениях различных авторов. Обратимся к творчеству Виктора Сосноры.

В поэтическом произведении вообще, и в стиле Сосноры — поэта-ирреалиста — в особенности, вычленение тропов носит весьма условный характер, так как тропы, фигуры теснейшим образом переплетены между собой, а речь в целом, и художественная речь в частности, имеет черты континуальности [Лосев 1982; Минералов 1999].

Именно поэтому сложно следовать какому-либо одному пониманию катахрезы: в этой форме Соснора сближает не только слова с контрастной или противоречивой семантикой, но и метафоры и образы. Катахреза, воздействуя на внутреннюю форму номинативной единицы и восстанавливая память внутренней формы слова, влияет на внутреннюю форму создаваемого образа и, в частности, сохраняя общие связи, может рассматриваться как особое качество более распространенных, «базовых», тропов, таких как метафора, метонимия, синекдоха, о которых в применении к поэзии Сосноры писали исследователи [Зубова 2009; Соколова 2019].

В этой связи следует обратиться еще к одному пониманию катахрезы, сформулированному В. М. Жирмунским, который, говоря об индивидуальном стиле А. А. Блока, отмечал «случаи столкновения двух различных метафорических рядов» [Жирмунский 1922: 59] как особую форму катахрезы. Диссонанс *метафорических рядов* создает «впечатление иррационального, сверхреального, фантастического» [Жирмунский 1922: 55] и является признаком «иррационального поэтического стиля» [Жирмунский 1922: 55].

Создание внутренней формы образа с помощью катахрезы обнаруживается уже в самых простых, прочно вошедших в обиход фразах, например в стертой метафоре «идет съезд». Эта «не ощущаемая как стилистический прием, т. е. <...> слишком привычная (“ножка стола”, “красные чернила”))» [Литературная энциклопедия 2001: 343] метафора в контексте стихотворения В. А. Сосноры «Циклопы» выражает открытую иронию над самим процессом «съезда», даже над самой возможностью подобного рода заседания, своеобразная реминисценция темы нелепых заседаний, иронически представленной в стихотворении В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся», принимает совершенно иной вектор развития:

О том, что *идет* циклопический *съезд*,
зачем не подозревает? (В. Соснора. Циклопы)

Основную роль в «оживлении» метафоры играет слово *циклопический*. На фоне устоявшейся семантики слова и его использования поэтами первой трети XX в. (например, из стихотворения Л. Н. Мартынова 1922 г.: «И циклопический девичий след», — или из стихотворения 1929 г. В. А. Луговского: «Пройдет циклопический Ноев ковчег» [НКРЯ]) очевидна используемая поэтом многозначность слова, раскрывающаяся не только в контексте стихотворения, но и во взаимодействии со стертой метафорой «идет съезд».

Мифологичность образа усиливает элемент фантастичности и иррациональности происходящего. В центре сюжета стихотворения В. Сосноры обсуждение циклопами вопроса: «зачем человеку два глаза?» Два метафорических ряда, мифологии и советской действительности, создают внутреннюю форму образа. И то, что абсурдно с точки зрения человека, с «точки зрения циклопа» может быть вполне допустимым. Эта внутренняя биполярность прослеживается на всех уровнях метафоры — от разделения общества (циклопы как определенная группа «людей», лишенных свободы воли) до разделения на физический и метафизический миры (вопрос судьбы человечества).

Взаимное проникновение одной метафоры в другую передает оригинальное видение предмета, поэт создает свой биполярный мир, в котором

люди не имеют возможности влиять на какие-либо решения (пусть даже на невыполнимые), в связи с чем с совершенно справедливой иронией возникает вопрос смысла жизни: «Зачем человечество лечится, ест, эстетствует, строит, зевает?» (В. Соснора. Циклопы). Метафорически слово *циклопический* вызывает множество ассоциаций, значений, например: огромный, масштабный, исполинский (применимый преимущественно к зданиям), — и в этом контексте словосочетание можно классифицировать как гиперболу. В то же время созвучие с «циклический» выражает постоянство и замкнутость, а общий фонетический комплекс в корне («клоп») дополняет эпитет значением мелкости, неважности и вызывает неприятные ассоциации с общеизвестным насекомым, что позволяет нам говорить о литоте.

Итак, художественно-речевой образ «идет циклопический съезд» построен по метонимическому принципу на основе синтеза стертой метафоры, в сущности катахрезы в общепринятой классификации, и многозначного слова, что как целое, с учетом создания принципиально новой внутренней формы образа, можно определить как катахрезу, в которой сталкиваются противоречивые метафорические ряды. Аналогична по строению катахреза: «гол как монгол» (В. Соснора. Мой монгол), в которой смысловое оживление общеизвестной пословицы придает неожиданная замена «сокол» на «монгол» и происходит столкновение памяти внутренней формы (старая пословица) и метафорического ряда, вызванного новыми ассоциативными связями.

Похожий, но уже со своими особенностями пример из книги «Мартовские иды»:

Рябиною синеет красный холм
Михайловский, — то замок с крышей гильзы!
(В. Соснора. Мартовские иды, IX)

Броское, парадоксальное, формально «абсурдное» или даже «невозможное» сочетание цветов воплощается в контексте архитектурного образа, связано с тем, что именуется словесной живописью. В ее основе — традиции синтеза искусств XVIII в., максимально сконцентрированные в поэзии Г. Р. Державина: «Живописное начало становится неотъемлемой составляющей образа лирического героя, связывается с лирическим сюжетом, с заданным в свернутом виде повествованием, в ряде характерных черт <...> определяет поэтическую картину мира» [Васильев 2007: 171]. Кроме того, сочетание широкой символики *красного* с неожиданной в общем ряду метафорой *гильза* вновь «сталкивает» разные метафоры. Благодаря этому создается оригинальная внутренняя форма образа,

который концентрированно выражает сложное содержание: особенности советского строя, военная тематика, воспоминание о дворцовых интригах, приведших к убийству Павла I в стенах Михайловского замка. Слово *синеет* выражает общую палитру, особое настроение и, вероятно, раскрывает образ сумерек и смерти. Дополняется картина цветом стен Михайловского замка и образом *рябины*, ср. у С. Есенина:

Покраснела рябина,
Посинела вода.

<...>

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак. (С. Есенин. Покраснела рябина...)

Или у М. Цветаевой:

Красною кистью
Рябина зажглась. (М. Цветаева. Красною кистью...)

Отдельно стоит отметить, что слово «рябиною» как деталь передачи цвета может быть дополнено образом В. В. Хлебникова, использующего этот образ в контексте процесса старения и дряхления по отношению к человеку: «Рябиною стала она вянуть и сохнуть!» [НКРЯ].

Очевидно, что строка «Рябиною синеет красный холм» построена также по метонимическому принципу, представляет собой сложную многоступенчатую метафору, а катахреза *синеет красный* реализует традицию синтеза искусств, создающую новые грани внутренней формы стихотворения.

Отметим также необычное несогласованное определение: «замок с крышей гильзы». Последовательно разворачивающийся посредством плавного перехода от живописи к архитектуре через неожиданный анжамбеман образ и резкий переход от архитектуры к военной метафоре реализует художественный потенциал синтеза искусств и отражает историческую трагедию человечества.

Взаимодействие метафор, осложненное нетривиальным поэтическим синтаксисом, — еще одна особенность катахрезы в поэзии Сосноры:

Я меч взяла. Солдатскую стопою! (В. Соснора. Ангел мести)

Произведение «Ангел мести» — вольная интерпретация стихотворения Леси Украинки «Ангел Помсти»: «Він подає свій меч, я хочу взяти зброю» [Українка 1975: 141], — в дословном переводе: «Он подает свой меч, я взать хочу оружие». Эффект ускорения и нагнетания создается через парцелляцию, а эллипсис наделяет слово *стопою* множеством допол-

нительных значений и передает общее впечатление трагической иронии. Кажущая очевидность замены подходящего по смыслу «рукою» является элементом создания внутренней формы образа и расширяет его смысловые границы. На метафорическом уровне отражаются и противоречивый образ пути как собственного, так и подражания (ср. устойчивое выражение «идти по стопам»), и трагедия войны, и роль женщины в ней, и принятие собственной судьбы с одновременной борьбой против рока. Словосочетание содержит в себе больше, чем образы воинственности, противоречивости быта военного времени («наркомовские 100 грамм», стопка — рюмка) или службы как таковой. Лирический герой стихотворения — женщина-воин, чье оружие — слово. «Стопа» в значении «структурная единица стиха» расширяет семантику и в дополнение, но не меньшим по значимости, формирует четкий образ женщины-поэта. Этой образностью как стихотворение-источник, так и вольная интерпретация В. А. Сосноры пересекаются со стихотворениями А. С. Пушкина «Пророк» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Иронически поданные в основе своей трагические образы — яркая индивидуальная особенность, стилистический прием поэта. Однако если явная ирония выражается в двойном плане, «где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый» [Литературная энциклопедия 2001: 316] смысл (ср.: «Дом без гвоздя и без доски» (В. Соснора. Дом Надежд) — выраженная посредством синекдохи² открытая ирония над любой идеологией, а возможно, и религией («Дом Господень»)), то скрытая ирония — по-иному. Она звучит во всем богатстве смысловых оттенков — от комического до трагического — и наиболее полно раскрывается через катахрезу, под внешней формой которой скрывается сложное метафорическое и фонемное взаимодействие:

Поклюем

В чернилах кровь и поклянемся утру. (В. Соснора. Ночь о тебе)

Кровь — слово, имеющее и богатую образность, и символичность. Многовековое использование рифмы «кровь» — «любовь» прочно закрепило семантическую связь между ними. С другой стороны, *кровь* содержит другие ассоциации, например связанные с устойчивыми выражениями: *портить кровь* (себе, кому-либо), *проливать кровь*, *писать кровью сердца* — или с известным мифом о том, что договор с дьяволом подписывается кровью. В контексте «чернила — кровь» возникает стойкая ассоциация со стихотворением С. А. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...»,

² Подробнее см. статью «Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры» [Зубова, 2009].

написанным, согласно распространенным представлениям, кровью, и стихотворением В. В. Маяковского «Сергею Есенину»:

Может,
окажись
 чернила в «Англетере»,
вены
 резать
 не было б причины. (В. Маяковский. Сергею Есенину)

Интересно и взаимодействие внутри словосочетания «в чернилах кровь». Поэт не ищет способов использовать кровь в качестве чернил, а, наоборот, находит кровь в чернилах. Метафорическое взаимодействие цветов в катахрезе со стертой семантикой черного в чернилах и красного в крови вместе с фонетической общностью (поклуюм — покланяемся — кровь), одновременно связанных синтаксически, но разделенных посредством анжамбемана, усиливает поэтический эффект.

Стихотворение «Ночь о тебе», как и вся книга «Тридцать семь», пронизано аллюзиями и поэтическими диалогами с поэтами, чья земная жизнь трагически завершилась, едва «дойдя до половины». Видимая нелогичность фразы «поклуюм кровь» создает образ творчества посредством метафоры гусяного пера, чернил, ночи, евангельских образов утренней молитвы и причастия. Общая звуковая и эмоциональная направленность стиха сопоставима со стихотворением Б. Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!».

Различие подходов в изучении, связанное с этим неоднозначное понимание природы катахрезы и сложность выявления катахрезных словосочетаний в континуальных поэтических образных рядах приводят к условности или в некоторых случаях дискуссионности ее фиксации в лирике. Вместе с тем, опираясь на понимание В. П. Москвиным катахрезы как приема, воздействующего на внутреннюю форму номинативной единицы, и определение В. М. Жирмунским столкновения метафор как особой формы катахрезы, посредством чего расширяется и внутренняя форма образа в целом, можно констатировать исключительно важную роль катахрезы в стиле Сосноры.

Сталкивая в своих произведениях метафорические ряды, писатель создает ощущение иррациональности и фантастичности происходящего, раздвигает границы внутренней формы образа и оживляет стертые метафоры. Сочетание символов и метафор в последовательном разворачивании образа с восстановлением утраченной внутренней формы номинативных единиц отражает литературную традицию словесной живописи и синтеза искусств, а неожиданные образы, сжимая синтаксис до предела, стирают границы между эпохами и историческими событиями.

Источники

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / Науч. ред. А. М. Ушаков; Подгот. текстов и коммент. А. А. Козловского. М.: Наука; Голос. 1995. 672 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М.: Гослитиздат. 1957.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Гослитиздат. 1958.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; предисл. Л. С. Флейшмана. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. 576 с.

Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018.

Українка Л. Зібрання творів 12 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1975.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Литература

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIVа. СПб., 1895. С. 481–960.

Васильев С. А. Стилиевые традиции Г. Р. Державина в русской литературе XIX — начала XX веков. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2007.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–93.

Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока. Петербург: «Картонный домик», 1922. 103 с.

Зубова Л. В. Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры // Новое литературное обозрение. 2009. № 3. С. 204–219.

Квятковский А. П. Катахреза // Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 131–132.

Колесов В. В. Катахреза // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 28–29.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. / Ред.: В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. М.: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.

- Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): Учеб. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2017.
- Николюкин А. Н. (ред.). Литературная энциклопедия терминов и понятий. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
- Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.
- Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: Рандеву – А, 2000. 808 с.
- Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.
- Тодоров Ц. Теории символа / Перевод с французского Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
- ARTFL Encyclopédie – The Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres [Электронный ресурс]. URL: <https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedia1117/navigate/16/3584/>

References

- ARTFL Encyclopédie – The Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres. Available at: <https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedia1117/navigate/16/3584/>
- Brokgauz F. A., Efron I. A. *Entsiklopedicheskii slovar'. T. XIVa* [Encyclopedic dictionary, Vol. XIVa]. Sankt Petersburg, 1895, pp. 481–960.
- Kolesov V. V. [Katakhreza]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 t. T. 3* [Encyclopedia of «The Tale of the Campaign of Igor» in 5 vols. Vol. 3]. Sankt Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 28–29.
- Kvyatkovskii A. P. [Katakhreza]. *Poeticheskii slovar'* [Poetry dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1966, pp. 131–132.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg.* / Red.: V. V. Vinogradov, S. G. Barkhudarov, G. P. Blok [Complete collection of works. Vol. 7: Proceedings in philology 1739–1758 / ed. by V. V. Vinogradov, S. G. Barkhudarov, G. P. Blok]. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 p.
- Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif: Trudy po yazykoznaniyu* [Sign. Symbol. Myth: works on linguistics]. Moscow: Izd-vo MGU, 1982. 479 p.
- Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost'): Ucheb. dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Theory of fiction (poetics and personality): Textbook

- for students of philol. fac. of the higher school]. Moscow: Gumanit. Izd. Tsentr VLADOS Publ., 1999.
- Moskvina V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D.: Feniks Publ., 2017.
- Nikolyukin A. N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Institut nauchn. informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Moscow: NPK Intelvak Publ., 2001. 1600 p.
- Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete collection of works. Thought and language]. Moscow: Labirint Publ., 1999. 300 p.
- Russkie pisateli 20 veka: Biograficheskii slovar'* [Russian writers of the 20th century. Biographical dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya: Randevu – A. Moscow, 2000. 808 p.
- Sokolova O. V. *Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy* [From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2019. 294 p.
- Todorov Ts. *Teorii simvola / Perevod s frantsuzskogo B. Narumova* [Theories of sense. Translated from French by B. Narumov]. Moscow: Dom Intelektual'noi Knigi, Russkoe Fenomenologicheskoe Obshchestvo, 1998. 408 p.
- Vasil'ev S. A. *Stilevyie traditsii G. R. Derzhavina v russkoi literature XIX – nachala XX vekov* [Style traditions of G. R. Derzhavin in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Izd-vo Literaturnogo Instituta Im. A. M. Gor'kogo, 2007.
- Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, pp. 5–93.
- Zhirmunskii V. M. *Poeziya Aleksandra Bloka* [Poetry of Alexander Blok]. Peterburg: Kartonnii Domik Publ., 1922. 103 p.
- Zubova L. V. [Synecdoche in the poetry of Victor Sosenko]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 3. Pp. 204–219. (In Russ.)